

РУССКИЙ ЭПШТЕЙН

[ПРОТОКОЛ ЭОН]

ACCESS LEVEL: III

AE - 117

L - 01

O - 00

HUMAN ASSET

КСЕНИЯ ГРОМОВА

ФАЙЛ L-01

Классификация: источник

Доступ: ограничен

Статус: архив

РУССКИЙ ЭПШТЕЙН

Роман

Ксения Громова

Все права защищены.

Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена, распространена или передана в любой форме и любыми средствами без письменного разрешения автора, за исключением коротких цитат в рецензиях.

Это художественное произведение. Все совпадения с реальными людьми, событиями или организациями случайны.

© *Ксения Громова, 2026*

ПРОЛОГ.....	6
ГЛАВА 1. ТУПИК.....	7
ГЛАВА 2. САЗОНОВ: ХРОНОС.....	20
ГЛАВА 3. ОТКРЫТИЕ.....	36
ИНТЕРЛЮДИЯ. КОЛЛЕКЦИОНЕР.....	53
ГЛАВА 4. ЛИНЬКА.....	56
ГЛАВА 5. ОЛЕСЯ: ОТЕЦ.....	63
ГЛАВА 6. ОХОТА НА ЖИВЦА.....	68
ГЛАВА 7. ГРАФИКИ.....	77
ГЛАВА 8. МАЛАХИТ.....	87
ГЛАВА 9. ЖЕРЕБЦЫ.....	96
ИНТЕРЛЮДИЯ. ТЕМНАЯ КОМНАТА.....	113
ГЛАВА 10. ПРОТОКОЛ.....	120
ГЛАВА 11. ЛАДА: ПОДАРОК.....	126
ИНТЕРЛЮДИЯ. МОЛОКО.....	142
ГЛАВА 12. ОЛЕСЯ: БЕЛЫЙ.....	146
ГЛАВА 13. МАМА.....	165
ГЛАВА 14. ТЕАТР.....	173
ГЛАВА 15. ТРЕЩИНА.....	190
ИНТЕРЛЮДИЯ. ДАНЬ - ЯО.....	201
ГЛАВА 16. ЧЕН.....	205
ГЛАВА 17. АЛИНА.....	210
ГЛАВА 18. МЭЙ: РАСПАД.....	244
ГЛАВА 19. ЭОН: ПЕПЕЛ.....	257
ГЛАВА 20. ШТОПОР.....	267
ИНТЕРЛЮДИЯ. БЕЛАЯ ЛАСТОЧКА.....	272
ГЛАВА 21. БРАСЛЕТ.....	279
ИНТЕРЛЮДИЯ. КОКАИН.....	295
ГЛАВА 22. ЛУКОВЫЙ СУП.....	297
ГЛАВА 23. ДР.....	302
ГЛАВА 24. АЕОН: МАШИНА.....	315
ГЛАВА 25. УРОК.....	325
ГЛАВА 26. КАЛИ.....	339
ИНТЕРЛЮДИЯ. SAPPHIRE.....	361
ГЛАВА 27. АРХИВАЦИЯ.....	363
ГЛАВА 28. ВЕЧНЫЕ.....	373
ГЛАВА 29. ЖЕНЕВА.....	376

ГЛАВА 30. ОСТРОВ. РАЙ.....	381
ИНТЕРЛЮДИЯ. ТЕ, КТО ВКУШАЕТ ПЕПЕЛ.....	395
ГЛАВА 31. РАССВЕТ.....	397
ГЛАВА 32. ПОИ.....	404
ПОДКАСТ «НЕВИДИМЫЕ». ВЫПУСК 3.....	416
ПОДКАСТ «НЕВИДИМЫЕ». ВЫПУСК 7.....	423
ГЛАВА 33. ОСТРОВ: НОЧЬ.....	428
ЭПИЛОГ.....	431

ПРОЛОГ

На Урале сказывают: жила в горе девица.

Не простая — малахитовая. Кожа у нее была — как камень тот, зеленая да узорчатая. Волосы — как медь жидкая. Глаза — как изумруды в темноте.

Хозяйка Медной горы звала ее сестрой. Берегла пуще золота. Потому как была в той девице сила особая: кто коснется — молодеет. Кто рядом ляжет — годы скинет. Кто возьмет себе — век проживет.

Только брать-то нельзя было. Не людское это — чужую молодость пить. Не по-божески.

А люди все одно брали.

Приходили в гору. Искали девицу. Находили. Уводили.

И каждый раз Хозяйка новую растила. Из камня, из слез, из крови земной. Растила — а люди снова уводили.

Так и повелось.

Девицы менялись. Люди — нет.

Малахит все помнит. Малахит все видит. Малахит молчит.

До поры.

ГЛАВА 1

ТУПИК

Снег валил так, будто кто-то наверху решил похоронить город заживо.

Холмов стоял у панорамного окна своего кабинета и думал о том, что погода идеально соответствует его настроению. Город внизу исчезал в белой мгле.

За спиной семь человек ждали, когда он повернется.

Совет директоров «Эона» — люди, которых он сам пустил в свою империю.

Теперь они сидели в его переговорной, пили его кофе и собирались объяснять ему, владельцу, как надо вести дела. Тогда, шесть лет назад, это казалось единственным выходом. Наука стоила дорого. Его амбиции — еще дороже.

Ирония, конечно, была в том, что формально они имели право. Он продал им это право за деньги, которые были нужны на исследования и развитие Эона.

Каждый раз одно и то же. Каждый квартал. Холмов уже мог предсказать их реплики с точностью до интонации.

Он повернулся.

— Итак, господа, — сказал он, неспешно направляясь к своему креслу во главе стола. Двенадцать метров итальянского ореха, ручная работа. Он любил этот стол. Он напоминал ему, кто здесь хозяин. — Я вижу по вашим лицам, что вы приготовили речь. Андрей Викторович, давай, не томи.

Андрей Викторович Демидов — загорелый посреди питерской зимы — Мальдивы или Сейшелы, Холмов уже не помнил — Демидов усмехнулся без тени веселья.

Седой, с глазами человека, привыкшего покупать все.

Двигался плавно и экономно. Как акула.

— Пять лет, Максим. Миллионы долларов. — Демидов сложил руки на столе. На запястье блеснули часы, которые стоили как квартира в центре столицы. — Я не буду спрашивать, где результат. Мы оба знаем, что его нет.

— Результат есть, — Холмов сел, откинулся в кресле. Позволил себе паузу — пусть понервничают. — АЕ-117 работает. Регенерация тканей, восстановление когнитивных функций, замедление старения на клеточном уровне. У меня полный шкаф публикаций в Nature и Cell. Хочешь почитать на ночь? Говорят, помогает от бессонницы.

— Я хочу продукт, который можно продать, — Демидов подался вперед, и Холмов заметил, как напряглись его плечи под идеально скроенным пиджаком. — Не статьи для яйцеголовых, а продукт. Укол, таблетку, сыворотку — что угодно, за что люди заплатят деньги. Большие деньги.

— Андрей Викторович, — Холмов посмотрел на него с тем выражением, которое обычно приберегал для особо тупых лаборантов, — ты же понимаешь разницу между «работает в лаборатории» и «готово к продаже»? Или мне нарисовать схему? Могу цветными карандашами, если так понятнее.

Демидов не изменился в лице. Это было плохим знаком — значит, он злился по-настоящему.

— Я понимаю разницу между инвестицией и благотворительностью, — сказал он ровно. — Пока я вижу второе.

***

Следующие сорок минут превратились в спектакль, который Холмов видел десятки раз.

Чернышев, бывший замминистра здравоохранения и теперь «консультант» с долей в восемь процентов, бубнил про регуляторные риски и необходимость ускорить клинические испытания, нервно вращая дорогую ручку в пальцах.

Лебедева, владелица сети клиник, говорила о спросе. Люди готовы платить миллионы, уверяла она. Ее клиники могли бы продавать продукт уже сейчас — если бы он существовал. Она была живой рекламой их будущего: холодная красота, выточенная деньгами и хирургией.

Остальные поддакивали.

Молодой Краснов старательно писал что-то в блокноте — возможно, рисовал член.

Валера Фридман молчал и смотрел на Холмова с выражением человека, который все понимает и ничем не может помочь.

А Холмов сидел, слушал и думал о том, каким идиотом они его считают. Он видел дальше их всех. Он был в шаге от прорыва — или от пропасти. Но это был один и тот же шаг.

***

Демидов чуял кровь за километры и знал, когда добыча слабеет. А Холмов слабел. Это он мог признать хотя бы себе.

Пять лет — не срок для прорыва. Манхэттенский проект длился почти столько же, и у тех ребят была вся мощь американского государства за спиной. Геном человека расшифровывали тринадцать лет. Некоторые задачи просто требовали времени.

Но инвесторы не мыслили категориями науки. Они мыслили категориями квартальных отчетов, дивидендов и возврата инвестиций. Для них пять лет без продукта — это провал. Неважно, сколько нобелевских лауреатов работает в твоих лабораториях.

Синтетический Æ-117 работал — это был факт. Мыши модели, приматы восстанавливали когнитивные функции, даже человеческие клетки в чашках Петри начинали делиться с энергией двадцатилетних. Но эффект держался неделю, максимум две — и сходил на нет. Организм отторгал искусственный белок, как отторгает любую подделку.

Природу не обманешь. Холмов понял это давно. Ему нужен был человеческий белок. Натуральный. Живой. Произведенный живым организмом. Идеально — молодым. Вопрос был только один: где найти подходящий источник.

Молодая кровь — путь тупиковый. Переливание от молодых доноров давало эффект, но концентрация Æ-117 в крови была слишком низкой. Чтобы получить терапевтическую дозу, нужны были литры крови от сотен доноров. Юридический кошмар, логистический ад, и эффективность — так себе.

Он пробовал стимулировать выработку белка в самом организме. Генная терапия, факторы роста, гормональные коктейли. Работало — но слабо. Тело упорно не хотело производить то, что перестало производить с возрастом.

Клонирование? Пока — научная фантастика. Выращивание органов-доноров? Двадцать лет до практического применения, минимум.

Где-то должен был быть ответ. Источник чистого, человеческого белка в достаточной концентрации.

Холмов перебрал тысячу вариантов. Тысячу научных статей, тысячу гипотез. И все они упирались в одну и ту же стену: человеческий организм производил АЕ-117 в нужном количестве только в молодости.

А молодость не продавалась.

Пока не продавалась.

* * *

— Полгода, — сказал Демидов, когда дискуссия выдохлась и в переговорной повисла усталая тишина. — Даю тебе полгода. Ты либо показываешь что-то реальное, либо я выхожу. Усмиришь свои амбиции и продолжишь дальше химичить пилюли.

Холмов смотрел на него, не мигая.

Полгода. Демидов произнес это так, будто давал отсрочку приговоренному.

Странно.

Холмов не помнил, чтобы просил отсрочку.

— Выходишь, — повторил он с легкой улыбкой. — И что тогда? Продашь долю китайцам? Сольешь технологии конкурентам? Или просто сядешь на свою яхту и будешь ждать, когда рак или инфаркт все-таки тебя догонят?

Демидов дернулся — едва заметно, но Холмов уловил. Попал в точку.

— А это уже не твоя забота, — Демидов справился с собой за секунду. Профессионал, надо отдать должное. — Пока ты владеешь контрольным пакетом — да, ты царь и бог. Но если я уйду, за мной потянутся другие. И тогда посмотрим, сколько будет стоить твой контрольный пакет.

Он был прав. Они могли устроить ему очень веселую жизнь. Не отобрать компанию — для этого нужен был контрольный пакет, а он оставался у него. Но обескровить, заблокировать решения, превратить каждое собрание в цирк с голосованиями, затянуть в суды на годы...

Смерть от тысячи порезов. Медленная, мучительная, унижительная.

Холмов ненавидел, когда его загоняли в угол. Но еще больше он ненавидел показывать это.

— Полгода, — сказал он спокойно, почти весело. — Договорились. Что-нибудь еще? Может, обсудим дизайн логотипа? Или меню в столовой?

* * *

Снег валил тяжело и лениво — густыми хлопьями, похожими на труху из старого матраса. Холмов стоял у окна с чашкой давно остывшего кофе. День выдыхался, сжимая завод в свинцовые сумерки.

Он смотрел вниз почти машинально — на плоские крыши цехов, черные ветки деревьев, пустую аллею от проходной. И остановился взглядом.

У лабораторного корпуса человек в синей ватной фуфайке сгребал снег. Плечи промокли до черноты. Лопата была старая, деревянная, с облупившейся краской — не из нового инвентаря. Человек работал медленно и упрямо: замах, бросок, еще замах. Движения выходили размашистыми и неловкими — будто не он управлял лопатой, а она тащила его за собой.

Холмов не шелохнулся.

Слово возникло в голове беззвучно, как сухая этикетка: Отец. Никогда — «папа». Только отец. Биологический источник. Носитель хромосом, часть которых, к сожалению, досталась ему самому — вместе с хронической интоксикацией, превратившей эти хромосомы в набор ошибок.

Фигура внизу поскользнулась, качнулась, едва удержав равновесие. Из-под ушанки вырвалось облако пара. По резкому движению плеч Холмов понял: отец выругался. Он не слышал звука, но слишком хорошо знал этот сиплый, сорванный крик. Когда-то он наполнял кухню по вечерам — вместе со звоном посуды и запахом перегара. Теперь эта злость уходила в снег.

Холмов поймал себя на мысли, что наблюдает с тем же напряженным спокойствием, с каким смотрят на зверя за решеткой. Не страх — бдительность. Контроль.

Никто на заводе не знал, что это его отец. Почти никто. Валера Фридман знал, он был свой. Отец был оформлен через третьи руки, по старой трудовой книжке, где еще значился слесарем четвертого разряда. Все выглядело естественно — очередной пожилой работник хозяйственной службы.

Условия были простые. Работа. Зарплата. Молчание. Не подходить. Не звонить. Не просить. За нарушение — увольнение и прекращение выплат. Он согласился сразу. Его злоба была тупой, но инстинкт выживания — точным. Он понял простую схему: делаешь «раз» — получаешь «два». Логика, доступная даже его разрушенному мозгу.

Другие на месте Холмова поступили бы иначе. Купили бы квартиру в тихом городе, платили бы деньги, сделали бы вид, что этого человека не существует. Пятно убирают с глаз. Но для Холмова это не было пятном. Это была рана.

Он сделал глоток кофе. Напиток был холодным и горьким. Та же тяжелая горечь оставалась на языке после запаха самогона, который отец гнал в ванной, когда Холмов учился в старших классах.

Внизу отец остановился, оперся на черенок лопаты. Долго стоял неподвижно, тяжело дыша. Потом достал из-за пазухи сигарету, чиркнул зажигалкой. Лицо под фонарем казалось серым и расплывшимся. На мгновение в нем не осталось злобы — только усталость. Какая-то окончательная, безнадежная усталость старого тела.

И тут Холмов почувствовал. Не жалость. Страх. Короткий и острый, как холодная игла под ребрами. Страх, что эта немощь — не чужая. Что она уже существует внутри него, скрытая в тех самых искореженных хромосомах. Что все, чем он стал, — лишь временная форма. А настоящая конечная точка — вот она, в синей фуфайке, тупо копающаяся в снегу.

Он резко отошел от окна, поставил чашку на стол. И больше не смотрел.

На столе среди бумаг стояла пробирка. А-117. Янтарная жидкость в тонком стекле казалась кусочком застывшего света.

«Я не унизил его, — подумал Холмов. — Я поставил диагноз. И назначил лечение. Паллиативное».

Унижение предполагает чувства. А чувств здесь не было. Это была гигиена. Как дезинфекция поверхности перед операцией. Как удаление некротической ткани, чтобы инфекция не пошла дальше. Поэтому он оставался здесь, среди бетона и снега, в пределах видимости. Как биологический препарат в лаборатории, который нельзя выносить наружу. Уборка территории — в прямом и переносном смысле.

Холмов сел в кресло и взял пробирку. Стекло было прохладным и гладким. Он смотрел уже не в окно — сквозь янтарную глубину, туда, где начиналось будущее. Страх под ребрами растворился. Осталась тишина. Рука не дрожала. Все было на местах: отец — у проходной, снег — за окном, будущее — в пробирке. И он, Максим Холмов, в центре этой тишины, где принимаются решения.

Он поставил пробирку обратно — точно в круглый след от чашки. Метель за стеклом усилилась и почти скрыла синюю фигуру у стены.

Уборка территории продолжалась.

Он подошел к бару в углу кабинета. Налил себе виски — дымный, торфяной, с привкусом морской соли. Вкус одиночества и решений, которые приходится принимать в одиночку.

Он смотрел на снег и думал о том, как начинался «Эон».

Семь лет назад. Старый фармацевтический завод — советское наследие, которое к тому моменту производило только дешевый ширпотреб. Три цеха, два десятка работников, ржавые трубы и запах спирта, вевшийся в стены. Предыдущий владелец — сын директора из восьмидесятых — хотел избавиться от этого трупца за любые деньги.

Холмов дал ему смешные деньги и получил смешной завод.

Три года реконструкции. Новые цеха, новое оборудование, новые люди. Он переманивал ученых из Москвы, Питера, из-за границы — деньгами, условиями, свободой исследований. Строил лаборатории, каких не было больше нигде в России. Вкладывал каждый рубль, который зарабатывал в то, что действительно имело значение.

Æ-117. Ключ к вечной молодости.

И теперь этот ключ грозил сломаться прямо в замке.

* * *

Телефон завибрировал, вырывая его из размышлений. Демидов.

«В восемь будем в сауне, девочки будут. Не будь занудой, приезжай, тебе не повредит расслабиться».

Холмов хмыкнул и допил виски. Вот оно, лицо российского капитализма во всей красе: днем угрожать, вечером звать париться с девочками. Демидов искренне не видел в этом противоречия. Классический набор, который он повторял с восьмидесятых.

Сауна располагалась на территории концерна — закрытый комплекс для «мероприятий руководства». Официально — зона отдыха: бассейн, бильярд, несколько спален. Неофициально — место, где решались вопросы, которые нельзя было обсуждать в переговорных. Где чиновники становились сговорчивее после пары бокалов и девичьих рук на плечах. Где заключались сделки, о которых не писали в документах.

Холмов не любил эти вечера. Но Демидов после них всегда был мягче. Благодушнее. Готов был дать еще полгода, еще год, еще шанс. Это была валюта — неписаная, но вполне реальная. И Холмов хорошо знал ее курс.

«Буду», — ответил он.

* * *

К восьми вечера снег прекратился, будто выключили рубильник.

Холмов вел машину по расчищенной дороге к комплексу. Черный Лексус — мягко шуршал по свежему насту. За окнами проплывали темные цеха концертна. Иногда он думал продать «Эон» и исчезнуть. Страна без экстрадиции, дом у океана, новое имя.

Без инвесторов. Без совета директоров. Без сроков. Но он знал — через месяц начнет сходить с ума.

Его держала идея. Цель, которую он поставил себе много лет назад и от которой не мог отказаться.

Звучало безумно. Но он давно перестал стесняться своего безумия. Без него не бывает прорывов.

* * *

У главного корпуса уже стояли машины.

Холмов припарковался чуть в стороне, вышел на мороз. Минус двадцать три — воздух обжигал легкие с первого вдоха, и он на секунду замер, впуская в себя этот холод. После духоты переговорной и часов политических игр — это было почти приятно. Чистая боль, без примесей.

Снаружи «зона отдыха» выглядела невзрачно — просто коробка из кирпича с темными окнами. Но внутри его обволокло тяжелое марево запахов: выдержанная кожа, дорогой табак, сладковатая смесь духов и пота.

* * *

«Музыка нас связала, тайною нашей стала...» — Мираж, господи боже. Демидов и его вечная ностальгия по молодости. Видимо, восьмидесятые были единственным временем, когда он был счастлив.

Зал был огромный — метров сто, не меньше. Стены обиты тканью бордового цвета, тяжелой и дорогой на вид. Но главное было не это.

Главным был восточный шатер — конструкция из шелка, расшитого золотом, заваленная подушками. Восток глазами человека, который никогда не был дальше Анталы, подумал Холмов. Но для целевой аудитории — самое то.

Внутри, среди этого буйства цвета, полулежал Демидов. И девушки. Молодые, красивые, одетые в короткие платья и неудобные туфли.

* * *

— А вот и хозяин! — Демидов поднял бокал, не вставая с подушек. Он уже был навеселе — видимо, начал сразу после совета.

Холмов взял стакан с низкого столика — виски, конечно. Обвел зал взглядом.

Девушки распределились по комнате: одна сидела рядом с Демидовым, еще одна крутилась около музыкального центра с бокалом мартини в руках.

И еще одна — в углу шатра, чуть в стороне от остальных.

Она сидела неудобно, будто не знала, куда деть руки и ноги. Платье на ней было явно с чужого плеча — слегка великовато в плечах, слегка коротковато в подоле. Но не это привлекло его внимание.

Глаза.

Серые, серьезные, настороженные. Она смотрела на все происходящее с выражением человека, который попал не туда и понял это слишком поздно. Холмов двинулся в ее сторону.

* * *

Она заметила его и напряглась. Взгляд скользнул по костюму и часам.

Оценивающий взгляд — но не того сорта, который он привык видеть у женщин на таких мероприятиях. Интересно.

— Как настроение? — спросил он, остановившись рядом.

Она подняла на него глаза. Вблизи они оказались еще серьезнее — и еще красивее. Никакого макияжа, или почти никакого. Чистое лицо, четкие скулы, упрямый подбородок.

— Нормально вроде, — сказала она коротко.

И отвернулась.

Холмов моргнул. Такого он не ожидал. Обычно девушки на подобных мероприятиях боролись за внимание хозяина вечера — а он здесь, несомненно, был хозяином. Обычно они улыбались, смеялись его шуткам, прикасались к рукаву. Эта — отвернулась.

— Не нравится обстановка? — спросил он.

— Подруга попросила, — сказала она. — Составить компанию.

Холмов отпил виски, чтобы скрыть удивление.

Его давно так не посылали. Может быть, никогда — по крайней мере, не девушки, которые приходили на такие вечера. Это было... освежающе.

Она отошла, не оглядываясь. Влилась в группу у бильярдного стола, что-то сказала рыжей девушке.

Бильярд был островком безопасности. Зеленое сукно и шары. Она взяла кий и сделала вид, что изучает позицию.

Играть она не умела. Вообще ни разу в жизни не пробовала. Но выглядела, наверное, сосредоточенно.

— Позиция сложная, — сказал голос за спиной.

Она вздрогнула. Опять он. Подошел бесшумно, как кот.

— Ты подкрадываешься ко всем или только ко мне? — спросила она, оборачиваясь.

— Только к тем, кто притворяется, что умеет играть в бильярд.

Она рассмеялась — не удержалась.

— Ладно, не умею. Я вообще первый раз вижу эту штуку вблизи.

— Я Макс.

— Просто Макс? — она улыбнулась. — А я Лада.

Они проговорили час.

Он рассказывал о работе — что-то про биохимию и исследования. Она не все понимала, но кивала. Она говорила, что хочет стать драматургом. Он слушал внимательно, задавал вопросы без снисходительности.

Мартини пился легко. Голова стала легкой и звонкой, границы вещей потеплели и поплыли. Когда все двинулись в раздевалку, она поймала себя на мысли, что не помнит, какой это бокал — третий или уже пятый.

Халаты были огромные, тяжелые. Бордовые, зеленые, белые — рукава до пола, полы волочились по керамограниту. Лада выбрала бордовый и утонула в нем, как ребенок в отцовском пальто. Холмов надел бежевый — тяжелый, как кольчуга. На нем халат сидел правильно.

Их было шестеро: Максим, Валера, Демидов, рыжая Оля, Олеся и Лада.

Три девочки среди взрослых мужчин — в чужом доме, в чужих халатах, в чужой жизни.

Тяжелая кедровая дверь открылась с усилием. Внутри пахло жаром и хвоей.

Максим и Валера вспоминали службу — голоса стали проще, теплее. Максим поймал взгляд Лады и улыбнулся одними глазами.

Через двадцать минут стало невыносимо. Жар давил на виски и веки.

— Все. Пошли остужаться.

Халаты полетели по коридору. Голые, мокрые, красные, они рванули к бассейну.

Лада бежала вместе со всеми. Не думала о том, что голая. Не думала о том, что они смотрят. Просто бежала — к воде, к холоду.

Вода обожгла. Кожа покрылась мурашками. Она присела глубже, обхватив себя руками.

Они орали, брызгались, ныряли — как дети. Просто люди в холодной воде, простое животное счастье.

Лада смеялась вместе со всеми.

Они — одно дыхание, один пульс, одна большая теплая пьяная волна.

* * *

Веселье разгорелось с другой интенсивностью — как будто сауна и холодная вода сбили какой-то предохранитель. Валера налил всем напитки. Рыжая и Демидов куда то исчезли.

Лада сидела на бортике бильярдного стола. Ноги болтались в воздухе, халат давно распахнулся и сполз с плеч, оставив кожу обнаженной под теплым светом ламп.

Максим подошел к ней.

Не сказал ничего. Просто подошел — и его ладони легли ей на бедра.

Теплые. Сухие. Чуть шершавые от бумаг и клавиатуры.

Пальцы скользнули под ткань халата, нашли кожу — влажную, горячую от сауны. Она почувствовала его запах: одеколон — что-то древесное, с нотами амбры — смешанный с чистым запахом его тела и легким ароматом виски.

Он подсадил ее выше — одной рукой под поясницу, второй под бедро. Легко, как будто она ничего не весила.

* * *

Он вошел одним долгим движением. Было больно — остро, неожиданно. Она вдохнула и замерла, упираясь ладонями в сукно стола. Боль отступила, сменившись странным, чужим давлением внутри.

Кожа к коже. Без преград, без той искусственной границы, которую ставят между телами люди, боящиеся последствий.

Мир для нее сжался до размеров этого бильярдного стола.

Никто не кричал, не стонал громко. Все происходило тихо, интимно — несмотря на то что вокруг балаган в самом разгаре.

Потом он отстранился — осторожно, медленно. Посмотрел на нее.

— Ты в порядке? — спросил он.

Лада кивнула быстрее, чем успела подумать.

— Да, — сказала она.

* * *

В ванной она смотрела на себя в зеркало.

Губы припухшие, глаза блестят, на бедре — след от его пальцев, розовый, исчезающий.

На белом кафеле — капля крови. Маленькая, как точка в конце предложения.

Она смыла ее водой. Вытерла бедро полотенцем. Посмотрела на себя еще раз.

Вот и все, — подумала она. — Теперь я знаю.

Она не знала ничего. Но тогда ей казалось — знает все.

Провела пальцем по бедру — там, где кожа еще хранила тепло его пальцев, — и вдруг нащупала тонкую, свежую царапину. Откуда? Она не помнила.

Пальцы замерли. И под ними, изнутри, возник звук. Тонкий, сухой, будто под кожей кто-то осторожно наступил на свежавыпавший снег.

Лада замерла. Прислушалась.

Звук не повторился.

ГЛАВА 2

САЗОНОВ: ХРОНОС

Пять лет назад

Виктор Сазонов не верил в бессмертие.

Он верил в деньги и в статистику.

В двойные слепые плацебо-контролируемые исследования.

В то, что можно измерить, взвесить и разрезать на микротоме.

Сначала — мышцы.